

Стефан Пипа

Молоко питательный
полезный продукт,
хорошо усваивает-
ся человеком
в любом возрасте

Питие молока с духами

Для вскрытия отрежьте угол
пакета ножом или ножницами.
Не снимайте три слоя бумаги!

Тумажные
прочны, во-
даемы и у-
транспо-
и употр

Стефан Пипа
Питие молока с духами

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пипа С.

Питие молока с духами / С. Пипа — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-2734-0

Вы помните те времена, когда сказки были в больших таких книгах с яркими рисунками. В тех книжках Добро всегда побеждало Зло. Или обещало обязательно победить в следующий раз. В наших сказках обошлось без эпических баталий между, только что упомянутыми все, Добром и Злом. Наши сказки - они салазки. На них можно выехать, а можно и съехать. Ума после чтения наших сказок у вас не прибавится, может даже чуток убавится. Если вы понимаете, о чём мы. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2734-0

© Пипа С., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Эпиграф	5
Сказка-подсказка	6
Укропный единорог	7
Дырка изобилия	10
Чёрные семечки подсолнуха	14
Упы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эпиграф

К полёту наш смелый товарищ готов
С такого слетит старой маски покров
И что ж он увидит? совсем никуя
Ведь весь этот мир – просто света струя

Сказка-подсказка

Есть сказки, которые, как нам думается/кажется, приходят.

А есть сказки, за которыми пойти надо.

И что значит пойти за сказкой? Это найти сказку и дальше следовать за ней – туда, куда она идёт? Или найти сказку, запомнить её и вернуться обратно, откуда пришёл?

Наверное, кому как хочется/может.

Хотя, возможно ли вернуться обратно? Ведь того обратно, из которого мы вышли, уже не существует. Даже если просто пойти на работу и снова вернуться домой.

...И вот как-то сидел дядька, а сказка всё не приходила. Сидел он сидел, а сказки всё нет и нет. Может быть он и не сказку высиживал. Но всё равно, сказка не приходила. И вроде, чего ж ты, дядька, сидишь? Ты что, со сказкой договаривался, что ты её высидишь? Нет. Так чего же сидишь?

А вдруг придёт?

Но ни вдруг, ни сказка не приходят.

Коль тебе, дядька, сказка нужна, ты за сказкой и походи. Ведь если бы сказке был дядька нужен, то она бы к дядьке и пришла. Наверно...

Хотя, сказка, она такая. Если ей дядька нужен, то она к нему не пойдёт и не позовёт даже, а сделает так, что дядька встанет и пойдёт за сказкой. Бесструктурное управление – штука тонкая.

Вот так и было. Пришёл к дядьке другой дядька и говорит ему, что ж ты, мол, дядька, вроде как уху все хлебаешь да хлебаешь вон уж сколько времени и как бы ни хера не делаешь, как только эту уху и жрёшь.

Послушался дядька другого дядьки, перестал сидеть да ждать и начал регулярно в походы ходить...

Укропный единорог

Жил-да-был капитан Найратан. Был он всамделишный дипломированный капитан. То есть, после полного цикла военного образования. И чтобы никто в этом совершившемся факте не сомневался – в том, что он капитан, министерством обороны на форму его кителя были возложены погоны со звёздами. Четыре звезды на правое плечо. Четыре звезды на левое. Была также и девятая звезда – почти на лбу, но не всегда. Дело в том, что девятая звезда пришита к шапке или фуражке. А шапку или фуражку, как, впрочем, и форму, Найратан иногда или снимал, или одевал. Это как с какой стороны посмотреть. В общем, не важно. Вероятность увидеть капитана Найратана с девятью звёздами очень большая. Поэтому девять звёзд имел капитан Найратан. Или звёзды имели капитана Найратана... Это как с какой стороны посмотреть.

И вроде звёзд много – почти десять, но маленькие они. А Найратан стремился. Просто стремился, непонятно куда. Уже не стремался, а именно стремился, но смутно. Так бывает, иногда даже проходит. И вот от стремленья этого думал Найратан о звёздах.

Думал о звёздах больших, чтоб на погонах. Одной большой на каждом погоне вполне достаточно, чтобы все уважали, а ему – чтобы всеми командовать. И тогда будет Найратан не капитан, а целый генералиссимус.

Думал о звёздах золотых, чтоб на груди. А тут размер не имеет значения, главное, чтоб золотые. А вот количество... да хоть тысячу.

Хотя про тысячу золотых звёзд Найратан не верил. Потому что не представлял, как всю тысячу звёзд на себя повесить. Ну ладно, спереди на китель, ну на штаны до колен. И всё. На спину как-то не по уставу.

Но тысячу золотых звёзд хотелось сильно. И Найратан подумывал даже, что вот, если бы его было десять найратанов, то на каждого бы сто звёзд и влезло. Однако от такой мысли ему становилось завидно и обидно. Ведь тогда он будет не тысячежды Герой, а стожды. И всю славу придётся делить с ещё девятью такими же стожды Героями, как он. И потому решил Найратан, что сто золотых звёзд ему вполне хватит, чтобы вкушать большими ложками всю славу военную.

После такого решения стало веселее.

И пошёл капитан Найратан в районную библиотеку книжки читать, чтобы узнать, за что же сто золотых звёзд дают. Как выяснилось, все сто сразу никто не даст, вручают по одной звезде. И не просто так, а за большой Подвиг геройский.

Это ж сто подвигов, подумал Найратан. И скис. Кислый Найратан стал не очень вкусным вначале. Но потом побродил он по лесу вокруг части и стал удобоваримым – понятным самому себе. В этом понятии его уму стало ясно, что вроде как один большой Подвиг геройский на одну золотую звезду Найратан потянет. И даже согласен был он на лёгкое ранение или контузию.

А служил Найратан в самолётных войсках. Но летал он только во сне. Не было керосина для самолётов.

Так что с подвигами на самолёте во время выполнения важного боевого задания было не то, что туго, а вообще безнадежно.

Разве что война. Но слабо верилось, что с наступлением войны вдруг появится керосин в воинской части. Обычно, когда война приходит, то всё пропадает. К тому же война один день продолжаться не будет. Долго воевать не хотелось, а вдруг убьют. Быть героем посмертно совсем не интересно. Вот. Воевать не хотелось. Подвиг хотелось, а воевать не хотелось.

Тупик, в общем. Безысходность.

От безысходности своего личного бытия начал капитан Найратан пить.

Пить нравилось.

И были у Найратана хорошие шансы пропитья насквозь. Но как-то, покупая у цыганки самогон, пожаловался он ей на свою жизнь. А та ему ответила, что нечего ему и рта раскрывать, вот у нее настоящая безысходность, покруче, чем у него.

И поведала цыганка Найратану прямо-таки эпос народный, что она истинных арийских кровей и приехала когда-то из Индии на белом слоне в поисках единорога, который сбежал из её зоопарка, и вместе с единорогом ушло счастье из дому. И вот, раз уж она всё рассказала, не видал ли случайно Найратан где-нибудь её единорога?

Чудно как-то стало капитану после такого рассказа. Но он посмотрел в лицо цыганки и увидел в её глазах ожидание и надежду. И вправду, ищет единорога, решил Найратан. Начал Найратан расспрашивать больше про единорога, какой он, как выглядит. Цыганка радостно и во всех подробностях порассказала о единорогах всё, что знала.

После сорока пяти минут внимательного слушания понял Найратан, что в этом его подвиг. Он пойдёт и словит единорога, и отдаст его... Нет, не цыганке, а командиру части. Тот большой охотник до лошадей, и у него как раз коня с рогом и нету. А за такого коня с рогом обязательно даст командир Найратану звезду золотую.

И пошёл Найратан домой. Даже цыганке спасибо не сказал, даже денег за чекушку не заплатил. Смылся, короче, и пошёл, куда глаза глядят.

Дошёл он до общаги своей военной, допил водку и лёг спать.

Утром вместе с бодуном пришли и трудности. Последние состояли в том, что Найратан не имел никакого понятия в поимке единорогов. И чем больше думал Найратан, тем больше понимал, что никакого понятия он не имеет не только в поимке единорогов, но и во многих других, казалось бы, простых вещах. Ну, например, на хера он – капитан Найратан – называется лётчиком, если ни разу не летал?

К тому же ему стало стыдно, что не заплатил цыганке денег за самогон.

Дабы избавиться от бремени невежества и угрызений совести, решил Найратан пойти обратно к цыганке, отдать ей деньги и попросить, чтобы она подсказала, как этого единорога поймать.

Цыганка взяла деньги, отозвала назад проклятие и сказала, что Найратан дурак. Ибо, как ловить единорогов, написано в сказках. А в сказках сказано, что единороги приходят ночью в сад поесть золотых яблок. Тут уже Найратан начал возмущаться, дескать, золотых яблок не бывает. Цыганка возразила тем, что Найратан дважды дурак, а сорт яблок «Золотой налив» как раз то, что единорогу и надо.

Поблагодарил цыганку капитан Найратан и хотел было уже уходить. Но в дверях двинула ему цыганка пендель в самую нижнюю спину. Потом наградила его званием трижды дурак. За то, что до конца ее не дослушал.

Оказалось, что не каждому дано увидеть единорога. Надо, как говорила цыганка, обрести видение между видимым. И посоветовала цыганка Найратану купить травы у ее племянника, мол, покуришь и увидишь, а то самогон не те двери открывает.

Племянник цыганки оказался хорошим и внимательным собеседником. Он спросил у капитана Найратана, видел ли он раньше траву. Найратан ответил, что видел и даже косил её, родимую, на лугу когда-то в деревне у родной бабушки, потому что дед на войне погиб, на войне с зелёным змием. Племянник цыганки всё понял и продал Найратану укроп.

Недолго ожидая, в ту же ночь полез капитан Найратан в сад яблоневого своего командира. Вылез на дерево и выкурил косяк укропа.

Сидит, и ничего.

Так и заснул капитан Найратан на дереве.

Где-то под утро, когда еще ни свет ни заря, во сне пришла цыганка и дала Найратану в правое ухо.

Капитан Найратан проснулся от такой неожиданности, неудачно дёрнулся и упал с яблони прямо на спину единорога.

Схватил Найратан единорога за шею и поскакал к командиру. Хотя, чего там скакать? В саду же командира единорога и поймал.

В общем, показал Найратан единорога командиру и говорит, мол, возьмите единорога, он оригинальный, у вас же нету коней с рогами, и ни у кого нету, а у вас теперь будет, а у них не будет, а мне дайте звезду золотую, приказ напишите про присвоение.

Командир был невеждой и потому понял увиденное превратно. Сказал, что нехуй на коней рога одевать и намекать тоже нехуй. Потом добавил, что рогоносцем быть больше не желает. И в конце презентации единорога уволил Найратана из армии без выходного пособия, потом развёлся со своей женой и отдал её Найратану.

Опешил капитан. Но что делать? Взял жену, сел на единорога и поехал в своё военное общежитие. А жена говорит, что холодно, и что шубу надо, норковую.

Задумался Найратан и вспомнил цыганку.

Повёл Найратан пойманного единорога к цыганке. Говорит, вот, цыганка, твой единорог, забирай его. А мне взамен давай ящик самогона и мешок денег, у меня жена шубу хочет – норковую.

Цыганка как-то криво улыбнулась и заметила, что единорог не совсем тот, какой-то укропный, а у неё был точно не укропный. И не взяла единорога.

Расстроился Найратан, купил чекушку у цыганки, выпил её одним махом и отпустил единорога.

А единорог, хоть и укропный, но говорит, что ж ты, капитан Найратан, взял единорога, а теперь кидаешь? Ты что же не знаешь, что вы в ответе за тех, кого приручили? А ещё летчик...

Найратан обиделся, начал плакать и говорить, что он и не летчик совсем, что никогда не летал, а только во сне.

Ага, тогда понятно, согласился единорог, посадил Найратана себе на спину и полетел.

Сначала единорог полетел в военную общагу, там забрал жену Найратана, а потом дальше полетели. Наверное, в страну укропных единорогов или укропных Найратанов, или в обе страны одновременно и в третью в придачу.

Это нам уж не известно, ибо каждый сам себе Найратан и у каждого свой единорог, или какой другой зверь.

Дырка изобилия

Никак не жил бог. Но все думали, что он жив, причём вечно, и к тому же живее всех живых. У него не было имени, но звали его Назер-Баба. Он выглядел никак. Но виделся он другим с белой бородой, в чалме и в халате. Бог ничего не делал. Но все думали, что он по синему небу выпасает большое стадо белых коз. Белые козы ходили себе и паслись. Однако от долгого хождения по небу белые козы становились серыми, а иногда даже чёрными, и их нужно было мыть. Что собственно и делал Назер-Баба. А чтобы особо не заморачиваться, всемогущий Назер-Баба делал так, чтобы вода текла сразу на всех коз. Но поскольку небо не такое твердое, как земля, то вода лилась не только на коз, но и на людей, что внизу под небом, а значит, и под козами, и под богом Назер-Бабой.

Воду, что лилась с неба, называли «дождь». И это всё очень нравилось людям. А больше всего нравилось людям то, что у Назер-Бабы были зелёные штаны с карманами. И вот, когда Назер-Баба идёт пасти своих коз, то одевает он эти штаны. Потому что без штанов оно никуда, никак и ничего.

И вот, одев свои штаны, кладёт Назер-Баба в карманы себе покушать всякого – семечки там, орешки и другие неизвестные людям, но однозначно вкуснейшие вкусняшки. В общем, все знали, что в карманах Назер-Бабы есть такое, что вкуснее вкусного, и нигде, как кроме у него, нету такого. И людям такого не дано, ибо, что у бога в кармане, то у бога в кармане, а не у какого-нибудь смертного.

И внизу почти все люди мечтали здесь пожить немного. Но пожить так, чтобы Назер-Баба потом, когда они умрут, взял их с собой пасти белых небесных коз. И вот будут они вместе пасти тех коз и разговаривать о том, о сём. А потом скажет Назер-Баба, что пора и передохнуть. И сядут они посидеть. И тогда засунет свою руку Назер-Баба в карманы своих зелёных штанов, и вытащит он оттуда вкусняшку вкуснейшую, и угостит человечка. Вот блаженство-то будет тогда!

Мечтали о том люди и завидовали праведникам, которые на небо уходили и наверняка уже пасли с Назер-Бабой небесных белых коз да вкушали вкусняшки вкуснейшие из карманов бога.

Но вот однажды родился и вырос среди людей юноша Ширан. И сказал он как-то, то ли в шутку, то ли всерьёз, что добудет вкусняшек вкуснейших из карманов Назер-Бабы и угостит всех соседей.

Говорил об этом юноша не раз, и не два. Повторял так долго, что речи его дошли до блаженнейших ушей самого главного служителя культа имени Назер-Бабы.

В те времена культ этот был самый влиятельный, и все его слушались. Для почитания Назер-Бабы каждый житель должен был купить белую козу и сдать её местному служителю культа.

А служители культа выпасали этих коз, мыли их и, конечно, доили, выпивая молоко во славу великого Назер-Бабы. Но молока было такое множество, что всего не выпить. Поэтому служители культа делали козий сыр и продавали его втридорога на базаре, потому как сыр был священный.

И люди соглашались, и регулярно сдавали коз да покупали сыр, ведь именно такими должны быть праведные деяния для того, чтобы после смерти попасть к Назер-Бабе и попасть с ним белых коз на небе, поглощая в перерывах от такой простой работы вкусняшку вкуснейшую.

В общем, смелые заявления юноши Ширама, что он вот так просто пойдёт наверх и угостит всех вкуснейшими вкусняшками из карманов Назер-Бабы, а потом ещё и вернётся, сильно ломали налаженную схему и сеяли смуту.

Дошло даже до того, что некоторые смутьяны, наслушавшись Ширама, перестали сдавать коз и покупать сыр. И садились они на этих не сданных коз своих да ездили во главе с юношей Ширамом по всей стране, и рассказывали небылицы про то, что, дескать, очень скоро пойдёт Ширам на небо и принесёт оттуда всем-всем без исключения много-много вкуснейших вкусняшек из карманов самого Назер-Бабы.

И самый главный служитель культа имени Назер-Бабы распорядился.

Согласно его распоряжению схватили воины юношу Ширама и прямо с козой, на которой он ездил, приволокли его в верховное здание управления культом.

Спрашивает Ширама самый главный служитель культа, правда ли, что юноша имел наглость говорить про прямую доставку вкусняшек вкуснейших из карманов самого Назер-Бабы?

Согласился юноша.

И тогда засмеялся самый главный служитель культа и пообещал, что сейчас же и отправит его к Назер-Бабе через акт повешения на верёвке.

Ширам не удивился такому решению. Юноша лишь заметил, что повешение есть чудесный способ выполнить его обещание, ведь он встретится с Назер-Бабой.

И самый главный служитель культа имени Назер-Бабы распорядился.

Согласно его распоряжению на главной площади города быстро соорудили виселицу, согнали всех людей, также и тех, что осмелились ездить на козах, и быстро повесили юношу.

После повешения активно начались гонения на тех, что на козах ездили. И было поразному. Некоторые сразу с коз послазили, как только Ширама повесили. Один даже три раза с козы слазил, чтобы никто наверняка не догадался, что он на козе ездил. А некоторые гордо на козах ездили, пока их не поубивали. А ещё некоторые гордо ускакали на козах, неся весть, что Ширам уж понёсся на небо, и скоро начнут с неба падать вкусняшки вкуснейшие из карманов самого Назер-Бабы.

В общем, суматошно как-то было. Дней этак сорок.

А в это время попал Ширам на небо и встретил бога, который никто, никак, нигде и никогда.

И засомневался Ширам. Говорит, мол, внизу написано, что зовут тебя Назер-Баба, что у тебя белая борода, одежды всякие, в частности зелёные штаны с карманами, где, кстати, много вкусняшек вкуснейших. А ещё должно быть стадо коз белых, которых ты пасёшь.

Бог любил людей, и чтобы проще было, чтобы Ширам не сомневался и не ломать ему мозг, сделался бог Назер-Бабой со всеми соответствующими атрибутами: белая борода, тюрбан, халат, штаны с карманами, набитыми вкуснейшими вкусняшками. Ну и стадо белых коз тут как тут.

И пошли Ширам с Назер-Бабой пасти тех коз. Пасли они их, пасли, и говорит вдруг Ширам, что поскольку вкусняшки вкуснейшие есть только у Назер-Бабы, то люди их ещё не пробовали, и было бы хорошо взять, да и угостить людей, а то они всё равно потом придут и попросят. Так лучше сейчас, нежели потом.

Назер-Баба ответил, что так не пойдёт, потому что внизу об этом не написано, а вверху не придумано, поэтому никто в это не верит, а особенно самый главный служитель культа имени его имени. На этом разговор и закончился.

Пошли они дальше пасти белых коз. Пасут себе, пасут, и тут Ширам говорит, что устал очень и хочет, чтобы Назер-Баба понёс его в своём правом кармане. Согласился Назер-Баба и положил юношу в карман своих зелёных штанов. Только Ширам там оказался, так и пополз, словно землеройка какая, на самый-самый низ кармана.

Когда достиг юноша низа кармана, начал он перегрызать нитки и, в общем, образовалась в кармане дырка. Именно из этой дырки начали падать на землю вкусняшки вкуснейшие. А в конце, когда всё высыпалось, и сам Ширам выпал на землю.

А на земле как раз был сороковой день суматохи, вызванной повешением Ширама.

Утром самый главный служитель культа имени Назер-Бабы вывел попасти священных белых коз и тут, на тебе, собрались на небе серые тучи, но полился из них не дождь, а вкусняшки вкуснейшие стали падать.

И ладно, пускай падают, это ж явление можно приписать своему авторитету и могуществу. Но вдруг, откуда ни возьмись, понаехали на козах всякие последователи Ширама и давай орать, что есть мочи, что случилось чудо из чудес, что Ширам упросил Назер-Бабу, и тот щедрой дланью своею раздаёт вкуснейшие вкусняшки.

И ладно, пускай орут, и хорошо, что все в одном месте собрались, так их перебить легче. Но вдруг сверху упал и сам Ширам, живой и невредимый. Так, будто его никто и не вешал.

С появлением юноши Ширама начался невероятный народный экстаз. Все кричали, словно полоумные, радовались, обнимались. Козы же не разделяли поголовной радости и со страха все разбежались.

Вернулся самый главный служитель культа в верховное здание управления культом без коз и без настроения. Злой весь такой. И ко всему этому обнаружилось, что дырка в его кармане образовалась, и через эту вот дырку и потерялись все золотые монеты, которые он за проданный сыр намедни получил.

Да, не задался у него как-то день с самого утра.

Выглянул самый главный служитель культа в окно, а народный экстаз продолжается. Ширам рассказал всем, что он своими собственными зубами создал дырку изобилия, и что оттуда теперь вкуснейшие вкусняшки всегда сыпаться будут. По этому поводу всеобщее возбуждение не имело границ.

Самый главный служитель культа подумал про дырку изобилия и примерил эту мысль к дырке в своём кармане. И всё понял. Поскольку как наверху, так и внизу, то дырка в кармане Назер-Бабы есть дыркой и в его кармане. Значит, чтобы остановить народный экстаз, следует зашить дырку в своём кармане, тогда и дырка в кармане Назер-Бабы исчезнет, а значит, перестанут падать вкусняшки вкуснейшие, а значит, не прав будет юноша Ширам, и народный экстаз вскоре сойдёт на нет.

Возрадовался самый главный служитель культа и взялся за дело. Но шить как-то лень ему было. И позвал он писаря, и приказал ему, чтобы теперь написано было следующее...

Что, мол, понёсся на небо юноша Ширам и встретил он там Назер-Бабу, но тот, не то что без карманов, а и без штанов зелёных вообще. Новая истина изрядно удивила Ширама, и попросил юноша, чтобы Назер-Баба отпустил его на землю всю правду людям рассказать, чтобы зря они не надеялись на вкусняшки вкуснейшие в карманах зелёных штанов. Вкусняшки вкуснейшие, конечно, есть, но не в карманах штанов, так как нету штанов, и нету карманов. Отпустил Назер-Баба Ширама назад на землю, а в дорогу дал ему вкусняшек вкуснейших, которые вместе с ним на землю и падали. А потом через три дня забрал Назер-Баба Ширама назад к себе, чтобы позже второй раз его к людям послать. И вот, когда придёт Ширам во второй раз, то расскажет юноша людям, на что в целом надеяться, и где, в частности, искать людям вкусняшек вкуснейших.

После того, как всё это было записано, поставил самый главный служитель культа свою самую круглую печать и снял свои штаны. И все служители культа последовали его примеру. В общем, очень быстро всё поменялось, и стал Назер-Баба воображаться без штанов.

Потом, чтобы всё по написанному было, собрались некоторые служители культа в одну маленькую, но злую банду и выкрали тёмной ночью Ширама. Помог им в этом один из

последователей Ширама, который согласился указать место ночёвки юноши в обмен на три килограмма козьего сыра. Ширама порешили быстро – отправили снова к Назер-Бабе, но чтобы без возврата.

Вскоре переиздали написанное и людям всё объяснили. А те во всё поверили. И чтобы уже окончательно никаких разногласий и сомнений не было, самый главный служитель культа имени Назер-Бабы распорядился. Согласно его распоряжению сам культ имени Назер-Бабы стал называться культом имени Ширама.

И теперь ждут все люди, когда же Ширам второй раз придёт и скажет, где же вкусняшки вкуснейшие. Ведь если их нету в карманах штанов, да и самих штанов нету, то где-то всё же они есть. А если они есть, то их можно съесть.

Чёрные семечки подсолнуха

И был лес – большой-пребольшой. И в том большом-пребольшом лесу жил Хомяк. Простой такой незамысловатый Хомяк со своим главным хомячьим преимуществом – умением набивать щёки питательной едой.

А какая еда хомяку питательная – ясен пень – ядра орехов, косточек, семечек, в общем, зёрна, богатые протеинами, растительными жирами и другими углеводами с микроэлементами да витаминами.

Была у этого Хомяка, конечно, нора, где он жил и запасы свои складировал. Многоуровневая, надо сказать, у Хомяка была нора: с лабиринтами, этажами, переходами, с комнатами всякими, чуланчиками и кабинетами рабочими. Не один год строил Хомяк нору. Не нора, а норище прямо-таки.

Хомяк в своей жизни очень быстро достиг успеха и вершин в своём хомячином мире. А чего его достигать? Все истины просты: следуй рефлексам, доверяй чутью, держи ухо востро, щёки шире, а хвост пистолетом, сильно не высовывайся, особо не напрягайся, если чего – убегай. И вот, следуя этим принципам, ты уже всё имеешь, чего хомяку желательно. А желательно ему, если по космическим меркам, так вообще микрон микрона. И не жалко же. Вот и обрёл Хомяк всё, к чему нужно было стремиться.

Если в целом, то было у Хомяка всё, как у зверей: нора (описание смотри выше); хомячиха; хомячата, которых год от года всё больше становилось; и еды немеряно. А всё потому, что знал Хомяк, где, что и как. Он даже со своих закромов белкам еду одалживал.

Прожил Хомяк много. Так много, что понравилось ему очень это дело.

Ведь у хомяков как? Они редко своей естественной смертью умирают. Ибо в пищевой цепочке находятся – еда для хищных животных. Такая вот философия. Жри семечки и орешки, колупай косточки, жирок нагуливай, потомство после себя оставь и, будь добр, явись вовремя на обед к сове какой, лисице или к кому там ещё. Только приходи молодым. Старое мясо не такое вкусное. А молодое в самый раз – сочное и мягкое.

Вот. Но Хомяк пережил все катаклизмы и нападения, в зубы хищникам не заглядывал, понимал, как врага избегать, и дожил до седых усов. А потом понял, что как ни крути, а смерти не миновать. Ведь если не съедят, то всё равно сердце возьмёт и остановится. Как ни крути, конец всему.

А жить хотелось. Ведь всё вокруг такое вкусное и приятное. Всё у тебя есть, все тебя уважают. Опять-таки белки в рост орешки, зёрнышки или семечки просят. А было раз, что и заморских злаков вкусить удалось. Рис называется. В общем, жизнь – малина. Но конец неизбежен.

От таких мыслей загрустил Хомяк не на шутку. Всё сидит, думу думает, как бы вот это смерти избежать и вечно жить в своей норе многоуровневой в этом большом пребольшом лесу, добра наживать и орехи жевать.

Грусть-тоска погнала Хомяка промеж зверей. Стал он ходить и самых старых жителей леса выискивать да у них осторожно издалека секреты долголетия выпытывать. Может, кто из них уже знает, как это – жить вечно.

Круг его поисков, ясное дело, был весьма ограничен. К хищным зверям – врагам своим, он не подойдёт, поскольку те возьмут и съедят его, и не побрезгают.

Оставалось по зайцам, косулям, лосям, оленям, белкам, по другим грызунам ходить и выпрашивать. Да толку мало. Те или не знали, или вид делали, что не знают. В общем, без толку всё. Тоскует Хомяк.

Так тоскует, что даже во время зимней спячки просыпается. Вылезает из норы и по снегу шагает. Прямо-таки Хомяк-Шатун.

И вот однажды, шатаясь зимой по лесу, встретил Хомяк голодную, холодную и потрепанную Белку. Чего это вдруг белка посреди зимы в лесу околачивается? Есть этому своя история, но нету времени её рассказывать, ведь эта сказка про Хомяка.

И вот что-то повело Хомяка. А был он не склонен к благотворительности, но повело его что-то, и завёл он Белку в свою нору, обогрел её да накормил.

Белка смотрит, что на Хомяке морды нет от тоски, и спрашивает его, чего ты, мол, брат, такой грустный, ведь у тебя нора – полная чаша, хомячиха, вон, молодая. К тому времени старую Хомяк уже давно похоронил и взял себе новую.

А Хомяк, так осторожно, а какая, дескать, с того радость, куда всё это, нажитое честным трудом, с собой взять? Вот придёт смерть и не спросит – вжик, и отгрызёт пуповину жизни.

А Белка ему, что ты зря паришься, браток, не нашего это звериного ума дело. Вон люди – у них головы большие, пускай себе о том размышляют, а нам-то зачем туда соваться – в эти высшие материи, математики и прочие квантовые извращения? И вообще ты, Хомяк, просто зажился здесь в лесу и зажрался. Ушёл бы молодым, как все хомяки, и всё в порядке было бы. А так, доконают тебя мысли шальные, и кончишь ты бешеным хомяком. Я уж таких повидала, не хомяков, правда, а белок. Но какая нахрен разница, если бешенство неизлечимо.

Поник головой Хомяк, но на всякий случай уточняет, нет ли из этого другого какого выхода или никак?

Белка, жуя орешки, говорит, что есть, наверное, выход-то, как же без выхода? Но кто ж его знает? Хотя, разве Сыч знает, он вон тысячу лет в лесу живёт, спроси у него.

Обрадовался Хомяк, что вроде есть кто, кто подскажет. Но с другой стороны, страшно так, что аж мороз по шкуре. Ведь Сычу что? Схватил Хомяка и съел. Для него это обыденно.

Что же делать? Понял Хомяк, что не уснуть ему этой зимой. Решил он до весны бодрствовать. И чтобы тоска его не задавила, Белка у него осталась. Так они вдвоём перезимовали, благо у Хомяка запасов полные склады.

Пришла весна. И чего делать? Эх, пошёл Хомяк до Сыча. Пришёл ночью и стучит в дверь. Открыл Сыч и обрадовался, вот, дескать, ужин пришёл. А Хомяк скромничать начал, да чего там, я старый, невкусный. Да и вообще, я по делу пришёл.

Сыч от такого расклада разговора чуть с дупла своего не вывалился и предположил, что Хомяк, идя к нему, наверное, в сосну ударился, и что ему, Сычу, с его хомячьих дел никак не наестся. Дальше засычал Сыч на Хомяка, давай, организуй пожрать чего-то, а то на голодный желудок какие дела?

Задумался Хомяк, где же ему мяса для Сыча раздобыть? У него же, кроме семечек да орешков, отродясь ничего не было. И подумал Хомяк, что вот собираешь всю жизнь, а оно, оказывается, не подходит. Но потом передумал Хомяк свои мысли и придумал.

Набрал Хомяк семечек и зёрнышек полные щеки, пошёл в деревню, где у крестьянина куры жили. Рассыпал Хомяк семечек и зёрнышек, а куры глупые тут же вокруг них собрались, и давай клевать. А Хомяк сыплет по дорожке, а куры за ним зёрнышки собирают.

Вот так они и двигались по направлению к дуплу Сыча. Вначале было у Хомяка целое стадо курей – где-то чуть больше дюжины. Но пока он до Сыча дошёл всех, кроме одной, волки с лисами переловили.

Съел Сыч курицу и взялся Хомяка слушать. Поведал Хомяк о своих тоскливых терзаниях душевных. А Сыч и отвечает, что вечная жизнь в шкуре хомячьей – это эволюционный тупик, что развиваться надо и выше расти.

Хомяк возразил, что расти ему уже некуда, ведь когда он крупнее, то и заметнее для хищников ненасытных.

А Сыч ему, мол, если ты, Хомяк, такой герой тут выискался, то тебе нужно Одну Косточку, чтобы она выросла, а из неё вырастет твоё новое время, и будешь ты уже не хомяк, а кто-то другой. Кто именно – этого никто не знает, даже та Одна Косточка.

Потом Сыч продолжил, что Одна Косточка находится в плоде. А плод, естественно, на дереве. А дерево растёт на горе Олимп, куда зверей не пускают, да и людей тоже. И вот этот плод могут срывать только жители горы Олимп – Олимпийцы. И они его срывают да едят, и даёт им плод божественное устройство жизни: молодость, бессмертие и так далее, и тому подобное.

Загрустил Хомяк так, что на морде чётко читался вопрос, а что же ему, бедному, делать?

Прочёл это вопрос Сыч и сказал, что есть одна хитрость. Прищурился Сыч и рассказал по большому секрету, что раз в четыре года Олимпийцы спускаются с Олимпа и на большой поляне в Западной стороне леса устраивают олимпийские игры.

Объяснил также Сыч доходчиво, что олимпийские игры эти очень похожи на охоту. Потому что Олимпийцы берут с собой палки-стрелялки и стреляют в зверей. Стреляют пулями на смерть вечную, но, внимание! иногда вместо пульки для развлечения ставят Одну Косточку и если в зверя попадут той Одной Косточкой, то зверь тот шанс получает – переходит на высший уровень. Такой вот квест.

И, по разумению Сыча, выход в том, чтобы выждать да в правильный момент подставиться под Одну Косточку. Но тут надо очень осторожным быть, ведь никогда не знаешь, чем они в этот момент стрелять собираются, то ли пулькой, то ли Одной Косточкой.

К тому же, Сыч добавил, дело усложняется ещё и тем, что на олимпийские игры много всякого зверья приходит – не один Хомяк там будет.

Но засомневался Хомяк в правдивости слов Сыча, ведь всё как-то очень странно выходит. И тогда спросил он у Сыча, почему он сам на Олимпийские игры не пошел, а живёт здесь в лесу тысячу лет, и, судя по его виду, ещё тысячу легонько протянет, а всем говорит, что жить долго – это тупик эволюционный.

Тут Сыч на слова эти пасть свою широко раскрыл и Хомяка на его уровень вернул. Объяснил, что Хомяк притаранил одну курицу, да и ту глупую, а хочет взамен за эту подачку всё враз понять. И послал Сыч Хомяка на хер.

И пошёл Хомяк, но не на хер, а на место проведения олимпийских игр – в Западную часть большого-пребольшого леса. Взял он с собою много-много чёрных семечек подсолнуха, построил временную нору и стал там ждать следующего цикла – прибытия Олимпийцев.

Пару лет было тихо. И Хомяк уже почти уверовал, что Сыч обманул его и выдурил у него курицу, пускай и глупую, но всё же на неё вон сколько зёрен было потрачено.

И вдруг в один прекрасный день разверзлись небеса, и приехали Олимпийцы с палками-стрелялками наперевес. А как только они явились, зашуршало всё вокруг, зашевелилось. И понял Хомяк, что зверья и вправду собралось немеряно, всякой твари со всего большого-пребольшого леса пришло. Оказывается, не он один на новый уровень попасть жаждет.

И начались олимпийские игры. Олимпийцы палат со всей дури из своих палок-стрелялок со всех сторон. Звери не знают, то ли пулька летит, то ли Одна Косточка. Ясное дело, в кого пулька попадет, тому увечья телесные. И потому вокруг очень быстро образовалась некая гора трупов животных вперемешку с кровью, мозгами и прочими анатомическими подробностями.

Испугался Хомяк. Со страху давай семечки ещё быстрее поглощать. Уже бедолага и передумал, и даже решил по привычке не высовываться, а переждать, ведь через четыре года снова будут олимпийские игры.

Но решился-таки Хомяк. Эх, была не была. Отряхнул со своей шерсти и лапок шелуху от семечек и как ломанётся со своей временной норы, вскарабкался на какого-то оленя, на самый верхний его рог, и прыгнул.

И тут ему со всего размаху промеж глаз как даст что-то...

В последний момент осознания пожалел себя Хомяк за всё, что оставил в своей норище в большом-пребольшом лесу. И особенно за чёрные семечки подсолнуха пожалел, которые только что кушал.

А потом звёзды посыпались, радуги заиграли и пошли видения всякие. Много видений, так что о всех не расскажешь. Но одно видение как-то особенно прошло сквозь него. Видел Хомяк, что пока Олимпийцы на земле играют в олимпийские игры, сидит Сыч на Олимпе и клювом своим поспешно жрёт что-то, то ли плод какой, то ли печень.

Когда Хомяк пришел в себя, то он был уже не Хомяк. Поэтому нельзя сказать, что он пришёл в себя, хотя, как знать. Но в любом случае вся хомячья его жизнь в большом-пребольшом лесу временно задвинулась в глубокий архив за ненужностью.

А вот любовь к чёрным семечкам подсолнуха проявилась. Он, то есть уже она, жарила семечки с любовью и солью и возле футбольного стадиона продавала болельщикам, с горочкой насыпая чёрные зёрнышки в конусы из газеты.

Упы

Давным-давно, давнее давнейших времён, и ещё давнее на два дня, случилось так, что много одинаковых людей оказалось в одном месте. Людей было много, но и место было очень большое, так что все себе нормально помещались и перемещались.

А были они не так одинаковы, как две капли воды, что не отличить друг от друга. А так были они одинаковы, что, посмотрев на одного, по его внешнему виду про других сказать можно. Ну, вроде как, смотришь на человека и говоришь, э, да ты из нигеров, браток; или, привет, ускоглазый, или бледнолицый, или краснокожий, или братишка, да ты вообще не с нашей планеты.

Ну а те были с нашей планеты. И с виду они были такие мелкие и коричневые. И много их было в одном большом месте. А место настолько большое, что его страной назвать можно. А можно не назвать. Но назвали.

В общем, народ из этих людей образовался. И никто из них не был против, что они один народ. После всеобщего соглашения, что они один народ, решили люди самоназваться и придумали себе имя Упы. И это круто. А если бы их кто со стороны назвал там, эй, ты, мелкий-коричневый, то это было бы не пафосно. А Упы – это пафосно.

А чего, хорошее имя, короткое, не сложное, две гласные имеет и согласную. И запомнить легко, и отзываться приятно, и отвечать просто, на случай, если кто поинтересуется, вы кто, бродяги? И есть что ответить, что мы – Упы. И не бродяги совсем, даже наоборот – оседлые особи, и вокруг нашего народа...

А вот в этом месте моделирования диалога с чуженародцами непонятно стало. А что, собственно, находится вокруг нашего народа? Как узнать, где наша земля – народная Упынская, а где то, что вокруг нашего народа и, вроде, уже как и не наше?

Собрался весь народ вместе ещё кучнее и давай этот вопрос обговаривать. Да только без толку. Ведь Упынцев так много, а мнений ещё больше, поэтому к всеобщему согласию приходиться сложно, практически невозможно.

Тогда решили они среди всех себя избрать самых мудрых, сделать из них Оргкомитет Упынского Народа, и чтоб они вместо всех глубоко думали и хорошие решения принимали.

Самых мудрых, по ходу, оказалось 200 человек. Вначале, конечно, больше было, тысяча. Но многие мудрость симулировали, и их пришлось отсеять. Тех 800 отсеянных назвали квазимудрецами и послали тяжёлые работы работать, чтобы они ума-разума-мудрости да поднабрались.

Приступил Оргкомитет к исполнению своих прямых и косвенных функций. Первым делом определили свою территорию и обнесли её каменным забором, чтобы все понимали, что за забором Упы живут. А чтобы разнопониманий не было, то по всему забору, по всему периметру коротко и ясно написали: «Здесь живут Упы».

И потом пошла у них жизнь своим чередом. Оргкомитет думает – остальной народ работает, все довольны, потому что думать – это тоже работа. И её тоже надо уметь работать.

Но случилось так, что один из мудрых, по имени Чыраян, как-то наелся хлебов. И надо было такому случиться, что хлебы попались ему какие-то не такие, как обычно. Настолько не обычно, что после приема пищи в виде хлебов посетила мудрого мужа Галлюцинация.

Галлюцинация, надо сказать, очень качественная. От реальности совсем не отличить. Хотя, что такое реальность? В общем, Галлюцинация была и назвала она себя Девойою Ведвою, Богиней. И рассказала она про то, что Упы есть её родные дети. Но самое главное, что понравилось Чыраяну, так это то, как Дева поведала, что именно он самый-самый мудрый и самый-самый любимый её сын.

Поверил мудрый Чыраян словам Галлюцинации. А мог бы и засомневаться ведь, что это за мамка такая, у которой дети есть, а мужа нету. А если есть, то где? В общем, следовало Чыраяну ещё поспрашивать, уточнить надо было детали во время беседы, и может быть понял бы Чыраян, что всё это шутка.

Но мудрец поверил во всё и решил донести своё верование всему народу.

Сначала собрал он всех остальных 199 мудрецов и объявил о своём около божественном статусе. Все посмеялись с него, конечно. Но сказали, что идея хорошая. Давайте, говорят, каждый год в этот день друг друга дурачить будем, вот повеселимся. Как раз первое апреля было. Назвали они праздник День Дурака, рассказали народу и потом праздновали они праздник этот регулярно раз в год.

Все мудрецы разошлись, а Чыраян задумался, что вот ведь невежды, не понимают. А если до них не доходит, то народу и подавно ничего не докажешь.

Что же делать? Загрустил мудрец и пошёл вина выпить, чтобы легче стало. Ну и опять же, в меню у него хлеба эти особенные имелись. Вкусил он, и снова Дева Ведева перед ним. Ну, то есть Галлюцинация. Но он-то думает, что Богиня. На этот раз Дева говорила, что нужно коллег своих хлебами попотчевать. Ведь это не простые хлеба, а хлеба познания истины. Вот он, Чыраян, вкусил и всё понял. Пускай и они всё поймут.

Это опять шутка была, а мудрец за правду всё принял.

Обрадовался Чыраян, опять всех созвал и говорит, что давайте Новый Год справлять. Вот есть у нас праздник – День Дурака. Один всего лишь. А в году дней-то сколько? А действительно, сколько? Сели мудрецы, посчитали, и вышло у них 365. Вот и отлично. Объявили Новый Год.

Народ себе на улицах гуляет, а мудрецы собрались торжественно в одном зале потрапезничать в честь Прихода Нового Года. А Чыраян подсунил всем хлебов этих особенных. И, кроме Нового Года, пришло мудрецам и что-то ещё.

И вот ждёт Чыраян, что сейчас-то к ним Дева придёт и всё объяснит, и они сразу же начнут ему поклоняться.

Но не тут-то было. Случилось так, что со всеми разные Галлюцинации приключились. И никто из них не понял, что это шутка. Ведь каждому приятно было слышать, что он самый-самый.

Каждый мудрец начал вещать, что он, мол, избранный, и давай своим Богом хвастаться. Всего вместе с Девой получилось 200 Богов. У каждого своё имя и свои взгляды на жизнь.

Погоуляли они на такой волне и разошлись.

А утром опять собрались и решили договориться между собой, кто из них главный, а кто не очень. Ведь это важно, народ-то еще в темени незнания, а его просвещать надо, свет на него проливать. А кем просвещать, с какого Бога свет лить?

Ясное дело, каждый хочет самым-самым быть. Поэтому долго они сидели, спорили, забыли даже про народ. Хорошо хоть у народа вопросов пока не возникало, он себе работал и стену в целостности поддерживал.

На тридцатый день жарких дискуссий решил Чыраян идти в наступление. Рассказал он всем про хлеба, что они не простые хлеба, а хлеба познания истины. И что ему Дева посоветовала хлебов этих дать другим мудрецам. Так что, по логике вещей, если они и избраны, то теми Богами, что после Девы. Так что, кто первый встал – тому и посох управления паствой.

Звучали доказательства Чыраяна убедительно и аргументированно, да и устали все очень. Признали Деву Ведеву номером один. А дальше начали вспоминать, кто первее других о себе на празднике после хлебов заявлять начал. Так лист иерархии божественной и сложился: кто раньше прозрел, тот и первее в списке.

Потом подумали они, что многовато всё-таки Богов выходит. И решили мудрецы некоторых Богов по схожести объединить в одного, а вокруг него мудрецов собрать. В целом вышло 10 группировок по 10 человек. Но Дева – номер один.

Потом, когда они всё это себе распределили и определили сферы влияния всех группировок, решили они, что пора теперь народу о Богах этих объявить. А то он, бедный, не знает, кому поклоняться надо, ибо не вкусил хлебов познания истины.

И вот на этом этапе снова дискуссия началась. Давать людям хлебов или нет?

Спорили снова долго и решили всё же давать, но один раз, в самом начале. А потом передумали и решили время от времени народ маленькими кусочками подкармливать. Потому что не поверит, если просто сказать, а приход Божества веру укрепит. А вера, бывает, выветривается. Поэтому уровень поддерживать надо. Но маленькими кусочками.

Пошли они в закрома за хлебами, а хлебов то уж нету. Выжрали всё мудрецы. Ведь эти разговоры да дискуссии сопровождались поеданием хлебов и винопитием. Потому и не мудрено, что хлеба иссякли.

И давай они выяснять, а откуда хлеба такие взялись. А кто делал? И как? Понятно, что кто-то из народа хлебы делает, но кто и где? Долго они шныряли, но выяснили, что откуда и как. Оказалось, что в самом начале пшеница была какая-то неуверенная. Её выращивали возле западной стороны каменного забора, а там тень и, в общем, для свиней выращивали, но кто-то напутал, и сделали из неё муку для людей. А мука из неуверенной пшеницы странная вышла. А из странной муки и хлебы особенные получились – с эффектом Галлюцинационным.

Разобрались мудрецы во всём, и давай пшеницу в том же месте возле западной стороны каменного забора сеять, потом из неё муку делать, хлебы печь и их дегустировать. По-разному было, иногда даже с летальными исходами. Так что количество мудрецов где-то на треть уменьшилось.

Но в конце концов нашли мудрецы плюс-минус правильную дозу. И вот начали они думать дальше. Исходя из своего опыта, они поняли, что если у них после поедания хлебов у каждого появился свой Бог, то у остального народа то же самое может начаться. А может и не начаться. Но вдруг начнётся?

И тогда смысла нет. Ведь вкусив хлебов, каждый будет считать себя избранным, переизбранным и так до скончания веков.

И решили они тогда прайминг народу сделать. Ну, в начале, перед вкушением хлебов, донести до него нужную информацию, чтобы народу после поедания хлебов в голову нужный меседж пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.